Джон Аддингтон Симондс
(1840–1893)

Что ж, не судьба

Что ж, не судьба, что ж, не судьба!
Нет ни цветка в саду отцветшем.
Не легче ли удел раба,
Чем мысль о непроизошедшем?

Могли бы мы плести венки
Из трав, что на полях собрали, –
Не мчаться наперегонки
По надоевшей магистрали.

Любви, мерещившейся нам,
Пришлось к судьбе приноровиться;
Непоцелованным устам
Осталось горестно скривиться.

Могла бы страсть пылать сильней
В крови, желаньем распаленной,
И песни наших летних дней
Могли б звенеть в листве зеленой!

Что ж, не судьба, что ж, не судьба!
Черед осенней непогоде.
Душа печальна и слаба
И жизнь, и осень на исходе.

Спящий

Еще рассвет медлителен и робок;
Побеждены под утро забытьем,
Всю эту ночь душистую бок о бок,
Они в мансарде провели вдвоем.

Один проснулся, осознал мгновенье,
И смотрит на другого не дыша,
И в дерзновенье, и в благоговенье
Восторгом насыщается душа:

И локонов разметанных картина,
И рук нагих лепная красота,
И теплота живого травертина,
И пух обворожительного рта;

Жизнь, в каждой жилке бьющаяся кротко,
Крутой подъем пленительного лба,
Жизнь в ямке посредине подбородка
И верхняя упрямая губа;

Трепещущий во мраке бархат кожи,
Местами где алее, то белей,
И нити вен, которые похожи
На линии на лепестках лилей.

Неколебимо мыслящее море,
Одни лишь темнота и тишина,

Намека нет на все, что будет вскоре,
Когда душа воспрянет ото сна.

Чу! В море звон плывет от колокольни:
Ночь кончилась, для дня пришел черед.
Рассветным ветром мир наполнен дольний –
И спящий спящим быть перестает.

Джеймс Реннелл Родд
(1858-1941)

Римское зеркало
Лопаты любознательных потомков
Отворотили древний пласт земли
И там девичье зеркало нашли,
На мраморной постели, меж обломков,

Необходимым девушке добром
Считались бус рассыпанные снизки,
Фонарь, что осветил ей путь неблизкий
На требующий пошлины паром.

Ни блестки на поверхности металла!
Расколотому зеркалу не впрок
Столетий предсказуемый урок:
Потускла бронза, и зеленой стала.

И мне сегодня душу бередит
Встающая из прошлого картина.
С тех пор, как с бронзы счищена патина,
Из зеркала в мои глаза глядит

Лицо: оно прекрасно и печально;
Играет отсвет мраморным плечом,
Ее уста не шепчут ни о чем,
Но зеркало смешливо изначально.

Благой обычай канувших веков:
Являя уважение к богине,

Смиренно представляться Прозерпине,
Подправив каждый локон у висков.

Но с мертвыми живым не подружиться,
Она не видит в зеркале себя.
Она вздыхает и молчит, скорбя,
И мертвый ландыш ей на грудь ложится.

Аталанта
Не ждите, что вернутся паруса;
Стоять на берегу – не будет прока;
Давно уже не слышат небеса
Их голоса
По воле рока,
И ничего о них не ведает сирокко.

Быть может, без ветрил и без руля
Ушли они, в морские дали канув,
И где-то близ дороги корабля
Нашлась земля,
Где нет туманов,
Где не видал никто штормов и ураганов

Есть много стран, где ты не побывал
Что дремлют среди волн неторопливых,
Где в синеве морей отбушевал
Соленый вал,
Страна счастливых,
На дальних островах, в пленительных приливах.

Не ждите их! И летом, и зимой
Среди кораллов почивает судно.
Они искать не станут путь прямой
К себе домой!
Узреть нетрудно,
Сколь дрема их легка, чиста и непробудна.

Или совсем не в сказочной стране
Погиб он, не дошедший до причала,

Разбитый, позабытый, в глубине
Лежит на дне,
Все замолчало,
Навек погружено во мрак первоначала.

Ушли за Геркулесовы врата,
сквозь смерть к познанью высших тайн природы,
А нам – смотреть туда, где даль пуста,
Сомкнуть уста,
И длятся годы,
Любовью нашею переполняя воды.

Как важно быть Эрнестом

К У. Э. М.

Припомним, как вокруг Стола
Гавейн и Ланселот сидели,
Однако жизнь приказ дала,
Чтоб Клемент с Бернардом радели
О гимнах в Божьей цитадели,
Чтоб жаждал Кеннет сельских мест,
Был Леонард при Лионеле,
Но мне дороже всех Эрнест.

Перечисленью нет числа,
Ему не сыщешь параллели,
О Вивиане речь пошла
О Фрэнке и его свирели,
О чистой Роландовой трели;
И, хоть далёко им до звезд,
Пускай играют, как доселе,
Но мне дороже всех Эрнест.

У Стивена вокруг чела
Венок из вечной асфодели,
Опять же Сириллу хвала,
А Герберт рвется к бранной цели,
У Юстаса хлеба созрели,
Для Кристофера важен крест,

А Майкл радеет о скудели
Но мне дороже всех Эрнест.

Посылка

Мой принц-малютка, в самом деле,
Мне вопрошать не надоест,
Пока сердца не охладели:
Зачем так дорог мне Эрнест.

**Уильям Эрнест Мазер*

Джон Грей
(1866-1934)

Крылья во тьме
В туманном теплом сумраке прилива
качаются рыбацкие ладьи,
волнам вечерним бормоча ревниво
докучливые жалобы свои.

Одна спешит к хозяину, кивая,
вступает в ежедневную игру,
и по волнам летит она, живая,
и расправляет крылья на ветру.

Крылатая и скрытная, как птица,
стремительна, легка, напряжена,
уставшая бездельем тяготиться,
в те дни, когда для лова не нужна.

Порывисто, упрямо и упруго
она, как лошадь, тянет невода,
и окликают рыбаки друг друга,
пока покрыта теменью вода.

Рыбак судьбу благодарит украдкой,
перебирая серебристый ком:

трал полон камбалой и ершоваткой,
креветками, травою и песком.

Ладья качает темными крылами;
не наглядеться, сколько ни смотри,
на то, как завиваются узлами
морские псы – огромные угри.

Восходит день на синий окаёмок,
блестит агат прибрежного песка.
Рыбак ворчит и снова ждет потемок,
клянет луну и смотрит в облака.

Джордж Сесиль Айвз
(1867-1950)

Интервал
Я помню белизну его чела,
Его глаза, глубокие как небо,
Он, полагаю, соблазнил бы Феба,
И Зевс к нему отправил бы орла.

С тех пор прошло совсем немного лет,
Переместились знаки Зодиака,
И вот опять мы встретились, однако
Былого облика простыл и след.

О Красоты мистическая суть,
Что, как душа, всегда стремится мимо,
Неуловимо, незапечатлимо,
Спеша от грубых взоров ускользнуть.

Прекрасна Юность только до поры,
Когда закат провозвестит о ночи,
И все жесточе нам, все одиноче
Печалиться, что отняты дары.

Ричард Ле Гальенн
(1867-1947)

Новая баллада о прошлогоднем снеге

Ты спрашивал, Вийон-кутила:
Мол, где снега минувших лет?
Над нами время подшутило:
Где высший свет и полусвет,
То декольте и тот корсет,
Прелюдия к возможным негам?
Однако же сомненья нет:
Вся голова покрыта снегом.

Про то, как движутся светила,
Катулл не думать дал совет.
Тебя судьба поколотила,
Но ты удачей обогрет
Но было счастья невпроед,
Сверкнувшего перед ночлегом
Да только все пошло во вред,
А голова покрыта снегом.

Совсем не так давно мне льстило
Что черен шевелюры цвет,
Увы, природа отомстила:
Вчера я пил с Элизабет,
И ей передавал кларет,
Да только понял пред забегом:
Не черен локон мой, а сед,
И голова покрыта снегом.

Посылка

Мой Принц, простите этот бред:
Не притворяйтесь же стратегом,
Пытаясь сохранить секрет
Что голова покрыта снегом

Баллада старьевщика
В июне ночи коротки,
И по утрам жара в тени,
В саду хозяйствуют жуки,
Роятся пчелы и слепни,
Рождают музыку они,
Умело вторя комарам.
Но поглядеть в окно рискни:
Идет старьевщик по дворам.

Полным-полны его мешки,
Там тряпки ветхие одни,
Да стоптанные башмаки,
Такие, боже сохрани,
Булавки, пряжки и ремни
Что взять их в руки – стыд и срам!
Хоть вой, хоть ноги протяни!
Идет старьевщик по дворам.

В жару трудиться не с руки.
В июньские разнежась дни,
Возьми ключи, замкни замки
И на окрестный прах взгляни.
Мечтой погашены огни,
А Время насмотрелось драм,
И, тяжко волоча ступни,
Идет старьевщик по дворам.

Посылка

Принц, этот образ прочь гони,
Да только помни – по утрам
Мы наблюдаем искони:
Идет старьевщик по дворам

Баллада уходящему богу*

Король невинный карты винной,
Ты с нами был во все века.
Злодеи с яростию львиной
Нас гонят прочь из погребка.
Пришел июль – пришла тоска.
Сбылись худые ожиданья.
В чем вред вина и коньяка?
Нет, не прощай, но – до свиданья!

В последний раз бокал старинный
Наполнен, и дрожит слегка.
А нам отныне с кислой миной
Судьба – молчать у камелька,
Просиживать окорока,
Едва удерживать рыданья,
Валять, короче, дурака.
Нет, не прощай, но – до свиданья!

С тобой в трактире и в гостиной
Была печаль невелика
Убыток был всего единый –
Для нашего же кошелька.
Увы, над дверью кабачка
Приказ прибит без состраданья
Чтоб устрашить поставщика.
Нет, не прощай, но – до свиданья!

Посылка

Веселый бог, ну, а пока
Тверды законы мирозданья,
Я говорю наверняка
Нет, не «прощай», но – «до свиданья!»

**Написано в США, накануне начавшего действовать в 1919 «сухого закона».*

Альфред Дуглас
(1870 – 1945)

Ода к осени

О госпожа, склонившая чело,
Ресницы опустившая в печали;
Твои уста отчаяньем свело,
Поникли плечи и персты устали.
Ко мне стопами смуглыми шагни,
Найди приют в пристанище моем,
Побудь со мной, весенним менестрелем,
С тобою мы вдвоем
Ненастные прослеживая дни,
Мелодию настроим и разделим.

Дай ветки мне для погребальных дрог,
Для катафалка радостей обманных,
Под листопадом я твоим продрог
И потонул мой взор в твоих туманах.
Обычай твой безжалостно жесток,
В тебе огонь мирволенья погас,
Но лучше скорбь при тягостной погоде
Чем ропот в летний час,
Когда ликует каждый лепесток
Измысливая новый гимн природе.

От влаги стала месивом земля,
Потускло солнце, онемели птицы,
Разорены раскисшие поля,
Гниют снопы неубранной пшеницы
И голоса ветров в единый стон
Сливаются, в глухой ночи кружа,
В преддверье неминуемой кончины,
Повсюду тлен и ржа,
И панихида попадает в тон
С моей душой, заложницей кручины.

Ах, чистый мед лобзанья твоего!
Он ягодой янтарною и алой

Творит под бледным небом волшебство:
Покров листвы окрашивает палой
Старинной бронзою осенних дней.
О, никогда не сбывшиеся были,
О эти отлетевшие мечты,
Блаженный ряд теней,
Что сердце рвет мое, покуда ты
Спешишь к зиме, а я спешу к могиле.